ДИМИТРІЙ КРЮЧКОВЪ,

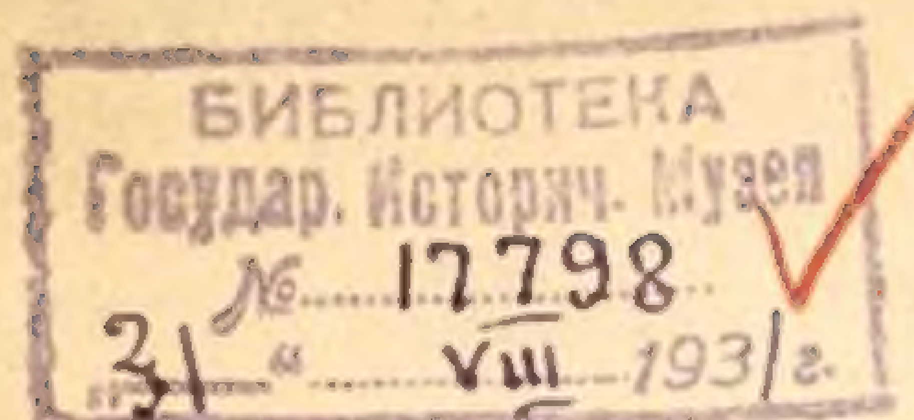

ПАДУНЪ НЕМОЛЧНЫЙ

Листопадъ.
13.

Падунъ немолчный.

Читай! Передъ тобой страницы
Въ крови моихъ несчетныхъ ранъ,
Въ нихъ ткань узорной небылицы
И шелестъ Отческихъ полянъ.
Мнѣ данъ восторгъ преображеній!
Я странникъ, медлящій досель
Покинуть жуть твоихъ селеній,
Влюбленный въ пѣвчую свирѣль.
Читай! Здѣсь блескъ сѣдатой пѣны,
Немолчный, зыбчатый колдунъ,
Изъ радугъ ткетъ иные плѣны
ебѣ мой риѳменный падунъ.

Поэту
Сергею Боброву
от сердечно
расположенного
к нему
автора
Дм. Крючков
10/XII 13.

Схима муки и любви.

Надѣла любовь мнѣ кровавую схиму,
Огнемъ оградила порогъ.
Когда же я, сирый, къ блаженному Риму
Дойду паутиной дорогъ?
Творю я метанья, читаю каноны,
Акаѳистовъ медленный рядъ,
А въ сердцѣ и муки и плачи и стоны
Огнемъ негасимымъ горятъ.
Когда же ударятъ пасхальные звоны,
Распятаго снимутъ съ креста
И радость замѣнитъ надгробные стоны
И пустынь откроетъ врата?
Надѣла любовь мнѣ кровавую схиму
Объятій, измѣны и слезъ,
Чтобъ я пилигримомъ къ блаженному Риму
Терновый вѣнецъ ея несъ.

Квартетъ изъ „Риголетто."

Въ гостинной догоралъ квартетъ изъ ,,Риголетто",
А ты сидѣла скромно въ уголку дивана
Въ такой простой и свѣтлой кофточкѣ,
Съ прической Пушкинской Татьяны.
И мнѣ хотѣлось такъ внезапно подойти
И вдругъ обнять тебя и радостно приникнуть
Къ твоимъ губамъ и пить твой алый ротъ,
Дѣвическую свѣжесть и любовь.
Но были люди; я сидѣлъ тихонько

202.

И только нѣжно, томно улыбался...
Въ гостинной догоралъ квартетъ изъ „Риголетто“
И въ сумеркахъ рождался новый день.

Стрекозы.

Мы стрекозы—солнца розы,
Надъ водою мы кружимъ,
Въ легкомъ scherzo amoroso
Въ пыль блестящую летимъ.
Свѣты-святы; какъ агаты,
Нашихъ крыльевъ чешуя,
Мы восторженно крылаты,
Какъ воздушная струя.
Доля вянуть нѣжнымъ розамъ,
Намъ стрекозамъ—умирать,
Больше въ scherzo amoroso
Не порхать...
Но мы помнимъ шопотъ струйный,
Золотую солнца пыль,
Хороводъ нашъ поцѣлуйный,
Зноя сказочную быль.
Какъ топазы и агаты,
Мы стрекозы—солнца розы,
Мы восторженны и святы
И крылато
Наше scherzo amoroso.

Въ полѣ—у креста.

У Христа, полевого Христа
Руки тонкія словно лучинки
И бѣгутъ торопливо тропинки
Въ дальній лѣсъ отъ подножья креста.
Все поля и луга, перекаты,
Кружева отдаленныхъ лѣсовъ,
Пыли облако, слѣдъ отъ подковъ,

Церковушки да ветхія хаты.
А при въѣздѣ въ деревню—плетень
И на немъ, словно птицы, ребята...
Небо гаснетъ торжественно—свято
И закатъ уронилъ полутѣнь.
И къ кресту, полевому кресту
Торопливо бѣгутъ всѣ тропинки
И лучи раннихъ звѣздъ невидимкой
Посылаютъ моленья Христу.

* *
*

Видишь, Рокъ намъ на чресла повѣсилъ
Пояса изъ улыбчатыхъ лилій,
Серебро нашихъ радостныхъ крылій
Оволшбилъ, полюбилъ, окудесилъ.
И пути наши тяжки и святы,
Души—краски небесныхъ палитръ,
Изумруды и яхонты митръ
Лучезарностью Отчей крылаты.
Мы—далекія, дикія шхеры
На прозрачно-синѣющемъ морѣ,
Въ нашемъ дѣтскомъ и алчущемъ взорѣ
Золотыя мелькаютъ химеры,
Мы—напѣвъ пламенѣющей вѣры
Въ облаковъ вечерѣющемъ хорѣ.

Случайной.

Какъ, неужели мужъ у Васъ,
Передъ которымъ Вы, смущенная
Безстыднымъ взглядомъ тусклыхъ глазъ,
Стоите нагло—обнаженная?
Вы мнѣ казались тонкой дѣвочкой,
Былъ такъ наивенъ Вашъ хитонъ,
Сходились брови Ваши стрѣлочкой
И говорили Вы, какъ звонъ.
Смѣялись радостно и весело,
Преображая чудомъ міръ,
Весна Вамъ душу окудесила

Зеленымъ строемъ звонкихъ лиръ.
Такъ для чего Вамъ тѣнь альковная
И обниманья и постель,
Когда Вы вся, какъ май, чаровная,
Вся искрометная, какъ хмель!
Отодвигайте смѣло занавѣсъ
И выходите къ намъ, къ окну,
Вѣдь хоронить еще намъ рано Васъ,
Вамъ не пристало плыть ко дну.
Какъ, неужели мужъ у Васъ
И Вы ужъ женщина—не дѣвочка,
Такая маленькая Евочка
Съ миндалевидной щелью глазъ?

Въ домовинѣ.

Мнѣ снился сонъ: бездушной глиной
Лежу недвижно подъ холстиной
И облакомъ надъ домовиной
Куренье ладона.
Мнѣ хорошо въ гробу сосновомъ,
Я не тревожимъ пошлымъ словомъ,
Не увлекусь обманомъ новымъ—
Вѣдь все разгадано.
Вдругъ Кто-то мнѣ сказалъ: «Порушу
Твой смертный сонъ, исторгну душу
И повлеку, смѣясь, на сушу
Отъ дымовъ ладона».
И я отвѣтилъ: «Я молился,
Ночами плакалъ, въ страхѣ бился
И разрѣшить, слѣпецъ, стремился,
Что мнѣ загадано.
Оставь меня въ гробу сосновомъ,
Подъ окомъ Божіимъ суровымъ,
Подъ свѣтло-дымчатымъ покровомъ
Куреній ладона».
Но снова явь. Нѣтъ домовины.

Кругомъ болото—царство тины.
А иго горестной путины
Вновь не разгадано.

Лѣстница.

Иннокентію Жукову.

Устилаетъ сумракъ лѣстницу...
Можетъ здѣсь найду прелестницу?
По ступенямъ этимъ каменнымъ
Поднимусь къ блаженствамъ пламеннымъ.
Устланъ ходъ цвѣтнымъ коверчикомъ
Съ пестрымъ пляшущимъ узорчикомъ,
А внизу все кто-то движется,
Чей-то шепотъ смутно нижется.
Страшно, жутко. За перилами
Полонъ воздухъ злыми силами...
Высоко живетъ прелестница;
Сумракъ кутаетъ всю лѣстницу.
А на креслицѣ—Рогатое,
Что-то движется, Косматое.
Коль увидитъ—мигомъ бросится,
Сердце злобой Вражьей скосится.
Не дойти мнѣ до прелестницы:
Юдо спитъ на близкомъ креслицѣ,
А назадъ итти не велѣно
И въ глазахъ сѣро и зелено.
На перилахъ, надъ пролетами
Не смутятъ меня заботами:
Тѣло тяжкое низринется,
Юдо, тѣни—все покинется.
Ахъ прощай, прощай, прелестница!
Тамъ—въ пролетахъ—въ Небо лѣстница!

Карачунъ.

Иннокентію Жукову.

Есть на свѣтѣ злой колдунъ,
Малый, шепчущій вѣдунъ,
Что не знаетъ смѣны лунъ,
Старикашка карачунъ.
Жуть болящаго томитъ:
Карачунъ въ дверяхъ стоитъ,
Зорко, радостно глядитъ
И дубинкою стучитъ.
Онъ всѣ стѣны обойдетъ,
У иконъ колѣнъ не гнетъ,
За подушкою прильнетъ,
Къ уху тяжко припадетъ.
Онъ поетъ: «Усни, усни,
Сладко будетъ намъ въ тѣни,
А людей гони, гони:
Позавидуютъ они».
Сумракъ кажетъ темный гробъ.
Карачунъ дубинкой—хлопъ...
. . . .
. . . .
Онъ идетъ, идетъ вдоль стѣнъ,
У иконъ не гнетъ колѣнъ,
Нашъ плѣнитель, злой вѣдунъ,
Старикашка карачунъ.

Щуръ.

Милый, тише—видишь, щуръ
Тамъ въ углу—такъ мраченъ, хмуръ,
Словно карликовый туръ...

Вдругъ любви онъ скажетъ «чуръ!»
И разсѣется нашъ сонъ,
Ты забудешь, что влюбленъ,
Что подъ радостный трезвонъ
Шла съ тобой я подъ уклонъ.
Много, много по угламъ
Непонятнаго умамъ:
Здѣсь смѣются, шепчутъ тамъ
И пророчатъ бѣды намъ.
Милый, тише—вылѣзъ щуръ...
Глазъ блестящій мраченъ, хмуръ...
Ближе сумрака ажуръ—
Вдругъ любви онъ скажетъ «чуръ!»

Во снѣ.

Она жжетъ меня—черная ревность
По твоей незнакомой землѣ.

Александръ Блокъ.

Неужели узнать невозможно
Что ты шепчешь порою во снѣ?
Мнѣ и смутно и тяжко и ложно...
Въ лиловатомъ огнѣ
Гаснутъ тучи...
И ты, утомясь, задремала
И мечты покрывало,
Точно облакъ летучій,
Опочило на миломъ лицѣ.
Шепчешь ты про миражность пустыни,
Про какой-то серебряный иней
И мечтаешь о древнемъ Кольцѣ...
Ты ушла
Въ непонятныя, чуждыя страны,
Гдѣ идутъ, все идутъ караваны,
Уплыла

Въ челнокѣ одинокомъ
Въ безпокойный, таинственный бредъ.
Отъ кого-то ты ищешь отвѣтъ
И въ томленьи глубокомъ
Мнѣ и смутно и тяжко и ложно...
Лиловѣющій сумракъ поникъ...
Неужели понять невозможно
Никогда
Потемнѣвшій, какъ къ ночи вода,
Твой тревожный и страстный языкъ?

Вдовунъ.

Былъ хвойный лѣсъ душистъ, игольчатъ
И странно скользокъ перекатъ
И темнымъ зовомъ былъ окольчатъ
Твой вечерѣющій нарядъ.
Ужъ на поверхности озерной
Дробились лики кроткихъ лунъ
И кто-то плакалъ, какъ упорный,
Неутѣшаемый вдовунъ.
Намъ было сумрачно и жутко,
Былъ странно скользокъ перекатъ
И ожидалъ напрасно шутку
Твой оробѣвшій, жалкій взглядъ.
Я подъ срываемымъ покровомъ
Читалъ сплетенья страстныхъ рунъ
И плакалъ, въ бѣшенствѣ суровомъ,
Неутѣшаемый вдовунъ.

* * *

Она меня любила матово,
Какъ волны—тихое весло,
Какъ точно смотрите на скаты Вы
Сквозь потускнѣвшее стекло.
Она меня любила бѣшено,
Любила бѣшено—остро

И было алое привѣшено
Къ берету черному перо.
И дни казались укорочены,
Какъ въ сѣнокосъ—луговъ трава
И были мѣхомъ оторочены
Ея хитона рукава.
Она меня любила бѣшено,
Любила бѣшено и зло
И было въ спальнѣ занавѣшено
Съ утра и до утра стекло.

13.

Ихъ не было минувшихъ веснъ—20
Докучныхъ лѣтъ еще придутъ когда?
О какъ въ тебѣ горитъ любви руда—
Сентябрь и пятница—13!
Я мальчикъ, я готовъ признаться всѣмъ,
Что я люблю тебя—что завтра буду снова
Ждать твоего ласкающаго слова.
Я мальчикъ вновь, сегодня мнѣ лишь 7.
Я радъ—сегодня будетъ кремъ,
А послѣ сладкаго мы будемъ цѣловаться
Тайкомъ отъ всѣхъ... Такъ радостно влюбляться,
Когда сегодня мнѣ минуло только 7,
Тебѣ—въ сентябрь и пятницу—13.

13 сентября 13 года.

Нѣтъ выше счастья лжи и боли—
Внимая гнѣва тяжкій громъ,
Въ стыда объятіяхъ, безъ воли,
Лежать подъ хлещущимъ бичемъ.
Взнесенный милою десницей,
Онъ тяжко падаетъ, какъ мечъ,
Взвивается кровавой птицей
И кожу рветъ съ нагимыхъ плечъ.

Но мука выше—ложь и злобу
Въ лицѣ любимомъ прочитать
И каждый шагъ, какъ путь за гробомъ,
Ногой дрожащей отмѣрять.
Надъ сердцемъ бичъ взнесенъ и вьется
И длитъ кровавый свой полетъ;
Оно въ исходной боли бьется
И славословитъ смертный гнетъ.
Я славлю бѣшеную птицу—
Твой бичъ, алѣющій въ крови,
Взнесенный милою десницей
Во имя муки и любви.

Вы страшная, Вы нѣжная, случайная,
Вся въ инеѣ, вся въ льдяности, вся смѣхъ,
Замерзшая подъ осень роза чайная,
Мгновенная, какъ грохоты трамвайные,
Вся молнія, вся громная, вся снѣхъ.
И въ полдень, какъ плывутъ съ манерой важною
Прогуливать кокотки и коты,
Проходите Вы узостью пассажною,
Храня подъ скучной пылью эрмитажною
Желанныя, грозящія черты.
Сѣрѣетъ. Небо точно виноградины.
Идете Вы, торопитесь домой,
Гдѣ водятъ Васъ торжественныя гадины
Вкругъ буденъ надоѣдливой оградины
Усталою, безсильною рукой.
Но здѣсь еще, средь тартара трамвайнаго,
Вы все-таки мгновенная, вся смѣхъ,
Безкрылая но гордая, случайная,
Безмѣрная какъ радостности тайныя,
Вся громная, вся молнія, вся снѣхъ.

13 сентября 1913 г.

Игорю Сѣверянину.

Прогремитъ Ваше имя
И въ омолненномъ дымѣ
Вы сойдете на землю—
міроздания Колумбъ!
«Качалка грезэрки».

Дорогой и плѣнительный Игорь!
Ты—воспѣвшій Балькисъ и Менкеру,
Оживившій мнѣ сладкую вѣру
Въ золотое веселіе игоръ,
Ты-создавшій ручьи между лилій,
Звоны радостныхъ, новыхъ созвучій—
Снова сердце мнѣ нѣжно измучай
Устремленіемъ дерзостныхъ крылій!
Ты—воспѣвшій Балькисъ и Менкеру,
Ты—надъ озеромъ дремлющимъ птица,
Яркоцвѣтныхъ напѣвовъ цѣвница,
Похититель изгибовъ пантеры,
Свѣточъ новой, невѣдомой вѣры,
Долгожданная пѣсенъ криница!

Обри Берделей.

Какъ сумракъ спустится устало лиловѣя,
Люблю забыть дневныхъ заботъ обманъ
И снова видѣть васъ—видѣнья дальнихъ странъ—
Созданія капризнаго Берделэя.
Вы—дамы пышныя, какъ тѣни на стѣнѣ,
Пьерро покинувшій комедію dell'arte
И смѣло спутавшій обыденности карты
Въ своемъ узорчатомъ, голубоватомъ снѣ...
Мнѣ легче дышется. Причудливый Оскаръ
Встаетъ въ созданіяхъ капризнаго Берделэя;

Въ истомѣ вечера блаженно такъ нѣмѣя
Я отдаюсь волшбѣ узорныхъ чаръ.
О твой плѣнительный, великодушный даръ!
О сердце милое капризнаго Бердслэя!

Далекому другу.

Иннокентію Жукову
съ любовью братской.

Да, я люблю тебя—люблю твой алый кликъ,
Которымъ друга ты встрѣчаешь на порогѣ,
Твоей мечты затѣйныя пироги,
Ихъ расписной и утлоносый ликъ,
Задумчивость и важность влажныхъ глинъ,
Твой смѣхъ люблю, твой милый фартукъ синій
И кельи мракъ и тишь рабочихъ скиній
И сѣть незримыхъ дружбы паутинъ.
И долго жду. Еще алѣетъ рань
И много дней еще безслѣдно канетъ
И много думъ еще обманно манитъ—
Упорно жду. И мчу мой духъ въ Бретань,
Гдѣ свѣточъ твой такъ сладко сердце ранитъ.

* *
*

Взгляни, взгляни на тонкій пологъ,
На синій пологъ надъ тобой,
Гдѣ звѣзды благостный Астрологъ
Разсыпалъ щедрою рукой.
Еще на западѣ--тамъ сѣча
Закатныхъ ангеловъ и тьмы,
Еще молитвы недалече,
Что возносили кротко мы.
Неисчерпаема кошница
Опалоблещущихъ цвѣтовъ

Онъ близокъ, чаемый Денница,
Владыка радующихъ сновъ.
Взойди на млечныя дороги,
Сорви обманные цвѣты,
Мы будемъ мудрыми, какъ боги,
Въ хитонѣ утренней фаты.
А скучный день—онъ такъ недологъ.
И снова вечеръ. Надъ тобой
Денница, благостный Астрологъ,
Сокрытый тонкой синевой,
Опалы звѣздные на пологъ
Вновь сыплетъ щедрою рукой.

Зайчики.

Бѣгутъ, бѣгутъ по стѣнкѣ зайчики,
Какъ легкокосые китайчики,
А мнѣ смѣшно—
Гляжуся въ синее окно,
Мнѣ кажется: давно, давно
Все было такъ,
Часовъ немолчный, мѣдный такъ
И на дворѣ шарманки визги,
Надъ камнемъ радужныя брызги
Изъ тонкой уличной кишки,
Въ лабазѣ—важные мѣшки,
Смѣшки
И говоры прохожихъ
И вереницы дней похожихъ
Такъ другъ на друга...
Мгновенья смѣха и испуга...
И мнѣ смѣшно
Глядѣться въ синее окно
И знать, что все, все раньше было
И отцвѣло, какъ дымъ кадила,

И снова пышно расцвѣтетъ—
И бирюза и солнца медъ—
И вновь растаетъ,
Какъ этотъ зайчикъ убѣгаетъ
По пестрой комнаты стѣнѣ,
Смѣется, прячется въ окнѣ,
Вдругъ исчезаетъ.

18 мая 1913 г.

* * *

Наша встрѣча на зыблемой палубѣ
Подъ надутымъ и плещущимъ парусомъ!
(Если-бъ сроки тѣ сердце узнало бы!)
Небо вышито пламеннымъ гарусомъ,
Море радостью огненной залито,
Золотой пеленою окутано—
Миражи ли вдали, острова ли то?
Сердце бьется безвольное спутано.
И жемчужной, дрожащей короною
Зажигаются въ гаснущемъ пламени
Звѣзды дальнія тамъ предъ иконою
Долгожданнаго, чуднаго знаменья.
Хорошо намъ на зыблемой палубѣ,
Сердце сбывшейся радостью налито
И узнать оно жадно желало бы—
Миражи ли вдали, острова ли то?

28 декабря 1912 г.

Въ саду.

Сирень играетъ на свирѣли
Душистой, свѣтло-фіолетовой
И, улыбаясь, Вы присѣли:
Надъ Вами солнца свѣтъ эгретовый.
Онъ золотитъ песокъ дорожекъ;
Тоскою свѣтлою Вы схвачены.
Въ травѣ густой змѣя и ежикъ
Борьбою яростной захвачены.
Такъ блескъ колецъ змѣи чешуйчатъ,
А иглы ежика такъ колются;
Фонтанъ дождитъ лѣниво струйчатъ,
Березы небу пестро молятся.
Лѣнивымъ полуднемъ захвачены
Вы задремали свѣтло-розово
Въ саду, жарою озадаченномъ,
Въ покровѣ зелени березовой.

Я усталъ отъ долгихъ бдѣній
И метаній и моленій,
Кинулъ пустыню мою
И путемъ лѣсныхъ цвѣтеній,
Чрезъ сплетенья свѣтотѣней,
Пробираюсь и пою.
И кого въ пути ни встрѣчу,
Всѣмъ любовію отвѣчу—
Истомился безъ огня.
Кельи сумраки далече,
Золотыя стрѣлы мечетъ
Войско радостнаго дня.
Надо мной голубооко,
Вольно, сладостно, глубоко
Расцвѣтаетъ синева.
Что мнѣ жребій пророка?

Путь свободенъ мой далеко,
Свѣтъ и тѣни и трава.
Не миную свѣтлой встрѣчи,
Буду слушать смѣхъ и рѣчи,
Пробираюсь и пою.
Кельи сумраки далече,
Всѣмъ любовію отвѣчу,
Кинулъ пустыню мою.

У гроба.

Отгорѣлъ. Лежитъ—не дышитъ.
Воскресенія не ждетъ.
Завтра ладанъ заколышетъ
Пламя желтое какъ медъ.
А сегодня голосъ тонкій
Что-то жалобно твердитъ;
Сердце, словно у ребенка,
Нѣжной жалостью болитъ.
Будетъ пѣнье, цѣлованье,
Отпустъ благостный грѣховъ,
Равнодушіе, рыданья
И земли желанный зовъ.
И струитъ мертвецъ тяжелый,
Сладковато-пряный тлѣнъ,
Точно сосенъ алыхъ смолы
Въ сроки сумрачныхъ измѣнъ.
Тяжело и сладко. Жалитъ
Сердце мудрая змѣя:
«Скоро ль мой челнокъ причалитъ,
Тлѣнъ плѣнительный лія?»

* *
*

Твой голосъ, словно у ребенка,
Звучитъ наивно, муки для.
Ты какъ звѣрекъ, какъ въ сказкѣ Сонка
Въ палатахъ пышныхъ короля.

Жужжатъ серебряныя пчелы,
Спустился вечеръ, ты одна
И пѣсней томною віолы
Стыдливо радостно пьяна.
И все молчитъ и всѣ уснули.
Лишь тамъ, въ лазоревыхъ лугахъ,
Лучисто дышитъ звѣздный улей
И луны плещутся въ прудахъ.
Поетъ віола нѣжно, тонко,
Въ каминѣ гаснетъ жаръ угля—
Твой голосъ, словно у ребенка,
Звучитъ наивно, муки для.

Безсонница.

Глухая ночь. Луна ползетъ, какъ ракъ
На голубую мель нечаянно попавшій.
Въ саду шуршитъ уныло листъ упавшій
И старые часы твердятъ упорно «такъ».
Всѣ люди мертвые. И сонные гробы
Объемлютъ ихъ. Въ окнѣ навѣсы елей,
Ночныхъ цвѣтовъ пьянящія свирѣли
И томно важные и старые грибы.
Глухая ночь. Лишь мягко бродитъ сонъ
И ворожитъ и заклинаетъ сладко
И міръ творитъ, гдѣ каждый шагъ—загадка,
Гдѣ каждый мигъ—властительный уклонъ.
И сердце ждетъ и чуетъ вѣщій знакъ.
Глухая ночь. Оно глядѣть устало
На бѣлый прудъ, на блескъ лампады алой—
Но медлитъ сонъ—чародарящій магъ.

Наши сны—это смутные домы
На искомыхъ душой берегахъ;
Ихъ огни намъ влекуще знакомы.
Мы покинули суетный прахъ,
Снова радости мучатъ и жалятъ,
Снова легкій и сладостный бѣгъ—
Скоро сонъ насъ воздушно причалитъ
О забытый и кинутый брегъ.
Снова дѣти, мы вѣримъ и чаемъ,
Снова медленно, тихо поемъ
И въ обителяхъ Отчихъ играемъ,
Благодати Отеческой ждемъ.
Рабской долей къ земному влекомы
Оживаемъ въ томительныхъ снахъ,
Гдѣ горятъ позабытые домы
На искомыхъ душой берегахъ.

* *
*

Я не могу повѣрить чуду
И не устану я искать
И буду вѣчно и повсюду
Мессію жадно ожидать.
Когда придешь и тихо скажешь:
«Онъ тамъ—иди скорѣй туда!»
Помыслю: „Ты меня миражишь,
Какъ берегъ—зыбкая вода".
Я золотому солнцу чуда
Повѣрить дѣтски не могу,
Ищу его и жду повсюду
И чуя, трепетный, бѣгу.
Ты вновь кропишь, далекій Боже,
Закатной кровью вечера,
Но сердцу сирому дороже
Тѣней задумчивыхъ игра.
Беззвѣздный мракъ и злыя ночи
И поискъ, поискъ безъ конца
Пути невѣдомыхъ урочій
Къ селеньямъ благостнымъ Отца.

Тамъ, въ снахъ смѣяся и играя,
Руками радостно плеща,
Мчу сердце къ призрачности рая,
Какъ камень—мѣткая праща.

Пустыня любитъ муки,
Миражитъ намъ глаза,
Рисуетъ тамъ фелуки,
Гдѣ желть и бирюза.
И мы кричимъ устало:
„Гляди—вода, вода!“
Надъ нами солнце ало
И небо какъ слюда.
Мы жаждемъ тьмы и ночи,
Кончины злого дня
И голосъ слабъ пророчій
Отъ полудня огня.
Идемъ... Въ истомѣ муки
Закрыли мы глаза
И вотъ насъ мчатъ фелуки,
Гдѣ желть и бирюза.

Укажи мнѣ, укажи,
Кто намъ строитъ миражи,
Расцвѣчаетъ ярко сны
Сокомъ пьяной белены?
Кто кидаетъ шаткій мостъ
Къ островамъ сверкучихъ звѣздъ,
Вводитъ въ блещущій чертогъ,
Гдѣ царитъ единорогъ?
Мы бездумные плывемъ
Къ островамъ, гдѣ царскій Домъ
Облекаетъ дня закатъ
Въ багрянецъ прощальныхъ латъ.
Сонъ меня заворожилъ,

Полюбилъ, преобразилъ!
На воздушномъ кораблѣ,
Въ облаковъ неясной мглѣ,
Мчитъ меня на островъ тотъ
Дымно-пламенный пилотъ.
Кто сказалъ ему: «Лети!»
Указалъ ладьѣ пути?
Кто рисуетъ наши сны.
Май несбыточной весны,
Строитъ ночи миражи?
Укажи мнѣ, укажи!

Кругъ повседневности.

Солнце. Моторы. И грохотъ трамвайный.
Гулы. Шуршанье безчисленныхъ ногъ.
А наверху—голубой и безкрайный,
Блѣдный, магическій, древній цвѣтокъ.
Сумракъ. Лученье. Поющіе свѣты.
Улицы точно ликующій залъ.
Смѣхи. Улыбки. Наряды. Кареты.
А наверху—бирюза и опалъ.
Тѣни. Молчанье. Закрытыя двери.
Женщины. Вскрики. Темно и темно.
Прежнее. Страхи и власть суевѣрій.
А наверху—до истомы черно.
Ярко. Малиново. Радостно-ало.
Золото. Что-то лепечущій день.
Поднятый занавѣсъ—ждущая зала.
А наверху—медъ, шиповникъ, сирень.

16 августа 1913 г.

Въ Трифоновой церкви.

(XVI вѣкъ).

Слышалъ и я эти ризные вздохи,
Видѣлъ я медленно тающій дымъ,
Вѣры сбирая послѣднія крохи,
Сладко я плакалъ печалью томимъ.
И на шелку желтоокія птицы
Клекоты древніе строго хранятъ,
А за окномъ—мхи, рубины брусницы,
Голосъ заблудшихъ и робкихъ ягнятъ.
Морю подобны простые напѣвы -
Сладко слезами кропить и кропить
Ликъ пресвятой и божественной Дѣвы,
Вьющей златую, блестящую нить.
Небо подобно опаловой чашѣ,
Старцу подобенъ немолчный падунъ.
Что они бѣды и горести наши
Передъ лицомъ праотеческихъ рунъ?
Солнце—какъ пламень немеркнущій глаза,
День нескончанный—полярная ночь!
О это ты—свѣтловодная Паза,
Полюса дивнаго древняя дочь!

Лапландія, рѣка Паза, 1913 г.

Намъ хорошо. Не знаемъ лиха
Подъ сѣнью чудотворныхъ ризъ.
Лишь по ночамъ выходитъ тихо
На ловлю хитроумный лисъ.
Но бдитъ мерцающая рака,
Надъ ней покровъ, какъ скальный мохъ,
И въ небѣ мантію изъ мрака
Раздралъ бушующій сполохъ.
Намъ хорошо. И такъ любезно
Входить безъ совѣсти угрозъ
Подъ кровы низенькой трапезной,
Гдѣ умилительный Христосъ
Творитъ извѣчные уставы
Прощальной Вечери. Вездѣ
Въ скалистой тундрѣ пахнутъ травы
И тихо молятся звѣздѣ.
И надъ болотомъ свищетъ тонко
Чего-то ищущій куликъ
И кротко, словно мать—ребенка,
Качаютъ тучи солнца ликъ.
А тамъ, за этой цѣпью дальней
Пустынно-первозданныхъ горъ
Гремитъ упорный и печальный,
Соленый, плещущій просторъ.
Намъ хорошо. Не знаемъ лиха
Подъ сѣнью чудотворныхъ ризъ,
Лишь по ночамъ выходитъ тихо
На ловлю хитроумный лисъ.

Ледовитый океанъ, Печенгская обитель. 1913 г.

Напѣвъ келейный.

Ладаномъ сладко овѣяны
Теплятся души такъ жарко,
Отрада намъ звонъ колокольный,
Въ насъ вѣра пылаетъ такъ ярко.
Схима и гробъ—впереди намъ,
Тихая пристань обители,
Мимо проходятъ всѣ бѣды,
Свѣтятъ на насъ небожители.
Четками день обозначенъ,
Таютъ неслышные годы,
Кроткими Божьими агнцами
Сойдемъ мы подъ темные своды.
Ладаномъ прахъ нашъ одымленъ
Въ неба восходитъ обители,
Отрада намъ видѣть Отца,
Кротко поютъ небожители.

22 августа 1913 г.

Читая Жамма...

О Господи, въ Твой сельскій, скромный домъ
Веди меня березовымъ путемъ,
Туда, гдѣ передъ ликами иконъ,
Кряхтя, творятъ старухи свой поклонъ,
Гдѣ алъ старинный шелкъ поблекшихъ ризъ,
Гдѣ ласточки забились подъ карнизъ,
Гдѣ сине таетъ сладкій вздохъ кадилъ,
Летитъ посланникъ Божій Гавріилъ;
На блещущихъ вратахъ святая Мать
Не устаетъ златыя нити ткать,
А за престоломъ свѣточи лампадъ

Вѣнкомъ неугасаемымъ горятъ.
И зелень свѣтловиднымъ клобукомъ
Покрыла, Господи, твой скромный, сельскій домъ
И мантія синѣющаго льна
Безтучно и молитвенно ясна.
Позволь мнѣ видѣть блещущій потиръ,
Гдѣ кровь Твоя, спасающая міръ,
Позволь и мнѣ смиренно приступить
И крови той молитвенно испить
И, славя тьму божественныхъ щедротъ,
Пройти черезъ молящійся народъ,
Средь жаркаго дыханья деревень,
Въ зеленую, узорчатую тѣнь.
А вечеромъ, какъ сумракъ огоньки
Зажжетъ вдоль усыпляемой рѣки,
Позволь направить мирный мой паромъ
И плыть опять въ Твой сельскій, скромный домъ.

24 августа 1913 г.

Типо-литографія Т-ва „СВѢТЪ“.
СПБ., Невскій просп., д. 136.

1913

Напѣвъ отходный.

ѣ не нужны, не нужны
ѣвы и пляски иные,
колдуны—падуны
ажити звѣздъ голубыя.
наю, закованъ и хилъ
ешь ты разумныя цѣпи
радуги огненный пылъ
ѣ все пестрѣй и нелѣпѣй.
наю, ты робокъ и трусъ—
ѣмъ тебѣ пламени строки?
лъ тебя похотный гнусъ
райскія свѣчи далеки.
ѣ не нужны, не нужны
жённыя, свѣтлыя росы...
мчатъ тебя вдаль падуны
бьютъ о безумья утесы!

17 августа 1913.

Готовятся:
„Ледяные цвѣты“,
„Синь огнетворящая“
и
„Аллея поющихъ тонко фонарей“
(Городскіе сны.)

22 кв. 40
ресъ автора: Спб. Кирочная ул., д. № [redacted].

Издательство „Петербургскій Глашатай“ И. В. Игнатьева
(СПБ., 27, 6-я Рождественская) обнародываетъ:

Эдиціи Издательства:

И. В. Игнатьевъ—„Около Театра“
Василискъ Гнѣдовъ—„Гостинецъ Сентиментамъ“
П. Широковъ—„Розы въ винѣ“
Альманахи Эго-Футуристовъ:
„Оранжевая Урна“, „Стекляныя Цѣпи“.
„Орлы надъ пропастью“,
„Дары Адонису“ и „Засахаре Кры“,—

РАСПРОДАНЫ:

Книжни:

Вольфъ—18, Гост. Дворъ.
Карбасниковъ—19, Гост. Дворъ.
Лебедевъ—21, Литейный пр.
Мелье—20, Невскій пр.
Митюрниковъ—31, Литейный пр.
„Новый Путь“—51, Литейный пр.
„Сѣверная Лира“—2, Владимірскій пр.—
Ясный—66, Невскій пр.,—СПБ.

Представители:

Москва—„Наука“—10, Б. Никитская.
Харьковъ—Т. Д. „А. Г. Дредеръ“. 21, Московская ул.
Воронежъ—В. Б. Лехно—36, Алексѣевская ул.—
Кіевъ—Н. Я. Оглоблинъ—33, Крещатикъ.

Продаютъ:

П. Широковъ—„Въ и Внѣ“—Поэзы. П. 50 к.
Василискъ Гнѣдовъ — „Смерть искусству“—15 поэмъ съ пресловіемъ Ивана Игнатьева—30 к.
„Бей, но выслушай!“ VI альманахъ Эго-Футуристовъ—50 к.
„Всегдай“—VII альманахъ Эго-Футуристовъ—65 к.

Открытки:

Портретъ Ареопага Ассоціаціи Эго-Футуризмъ
„ И. В. Игнатьева.—
у Аванцо и К°—3, Невскій пр.
Б. Аванцо—9, Морская ул.
Антонова—16 }
Тапкина—14 } Загородный пр.
Юделевича—22 }

Цѣна 50 к.